

УДК 821.111

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ АНТИУТОПИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ИХ ХАРАКТЕРИСТИКА

А.А. ФАРАДЖ

(Представлено: канд. филол. наук Е.А. ПАПАКУЛЬ)

Рассматриваются классификации антиутопических черт, представленные Б.А. Ланиным (1993), Б. Ньюманом (1993), И.В. Тараненко (2001) и Л.М. Юрьевой (2005). Исследуются общие черты, присущие жанру антиутопии, на основе которых представлена собственная классификация.

Проблема принадлежности художественного произведения к жанру антиутопии является важной в настоящее время, поскольку для неподготовленного читателя может оказаться не совсем ясной разница между антиутопией и связанной с ней генетически утопией. Мотивы и идеи произведения могут напоминать утопические, общество воплощенной утопии может представляться идеальным и не нуждающимся в изменениях, достижения технологического прогресса могут рассматриваться как необходимая и желанная стадия общественной эволюции, а главные герои, противостоящие такому миропорядку, могут выглядеть глупыми детьми, пытающимися разрушить всеобщее счастье. Всё это может помешать восприятию произведения как антиутопического, если не быть осведомлённым в конкретных признаках, делающих произведение таковым.

Следует начать с определения жанра утопия. Утопия (греч. *ου* – нет; *τοπος* – место, т.е. место, которого нет, либо *ευ* – благо и *τοπος* – место, т.е. благословлённое место) – литературный жанр, в основе которого – изображение несуществующего идеального общества [4, с. 1117].

Исходя из определения, данного А.Н. Николокиным в «Литературной энциклопедии терминов и понятий», антиутопия – это пародия на жанр утопии либо на утопическую идею; так же, как и сатира, может придавать своеобразие самым различным жанрам, таким как: роман, поэма, пьеса, рассказ [4, с. 38].

С.Г. Шишкина даёт следующее определение антиутопии: «Антиутопия – это интертекстуальный литературный жанр, дискурс которого отличается своеобразно смоделированным хронотопом и направлен на выяснение соотношений внутри триады «человек – цивилизация – общество» с отрицанием возможности реализации утопических идеалов при условии нарушения баланса и гармонии между социумом и его нравственным наполнением» [8, с. 207].

Философ А.Баталов рассматривает антиутопию как: «Принципиальное отрицание утопии с помощью утопических средств, произвольное создание образов иного мира, которые должны отбить у читателя всякое желание изобретать и создавать, и прежде всего осуществлять утопические идеи» [1, с. 264–265].

На основе вышеперечисленных определений можно предложить такую формулировку термина «антиутопия»: антиутопия – это интертекстуальный литературный жанр, являющийся пародией на жанр утопии, либо на утопическую идею изображения идеального общества, дискурс которого отличается своеобразно спроектированным хронотопом и призванный изобразить невозможность осуществления утопических идеалов и выяснить соотношение между человеком, цивилизацией и обществом.

Чтобы наиболее отчётливо понимать, что делает антиутопию антиутопией, важно знать её основные жанровые черты. Существует несколько различных мнений насчёт классификации антиутопических черт.

Тараненко И. В. даёт следующую классификацию антиутопических черт:

1. Ритуализация жизни.
2. Антропоцентричность.
3. Статичность времени.
4. Замкнутость пространства [7, с. 7].

Исходя из классификации, предложенной Л.М. Юрьевой, можно вычленил такие черты антиутопии:

1. Пространство антиутопии – государство с тоталитарной системой управления.
2. Территория нового государства отгорожена стеной от всего окружающего мира.
3. Порабощение человека подчёркивает абсурд ситуации.
4. Прошлое в антиутопиях отвергается.
5. Герой произведения – бунтарь–одиночка или коллектив единомышленников, состоящий в оппозиции к существующему строю.

6. Тоталитаризму противостоит любовь.
7. Описание природы своей красочностью подчёркивает обречённость происходящего.
8. Мир не статичен, он конструируется, он только возможен.
9. Повествование часто строится в форме дневника.
10. Ослабевает преемственность между прошлым, настоящим и будущим [10, с. 73–76].

Американский писатель и психолог Б. Ньюман на основе классификаций критиков утопической и антиутопической литературы (Дж. Дэвиса, Дж. Катеба, К. Кумара, С. Уолша), выделяет общие, присущие им всем черты:

1. Негативное отношение к научному подходу развития общества.
2. Изображаемые герои – несчастны.
3. Негативное отношение к контролю извне над человеком.
4. Жестокое подавление возможных попыток борьбы.
5. Негативное отношение к методам правления [11, с. 167].

На основе классификации, представленной Б. А. Ланиным в «Анатомии литературной антиутопии» можно выделить такие черты антиутопии как:

1. Спор с утопией либо с утопическим замыслом.
2. Псевдокарнавал – структурный стержень антиутопии.
3. Карнавальные элементы.
4. Герой антиутопии всегда эксцентричен.
5. Ритуализация жизни.
6. Чувственность и скабрёзность – предмет особого внимания антиутопии.
7. Аллегоричность.
8. Утопию и антиутопию нельзя не сравнивать.
9. Антиутопия и научная фантастика.

10. Антиутопия заимствует у научной фантастики бесчисленные трансформации временных структур.

11. Пространство антиутопии всегда ограничено.
12. Страх – внутренняя атмосфера антиутопии [3].

На основе различных вышеперечисленных классификаций можно представить более полную классификацию черт антиутопического произведения и рассмотреть её более детально:

1. Спор с утопией либо с утопическим замыслом.

Под этим не подразумевается спор с каким-либо конкретным произведением или автором, а с самим жанром вообще. Причём можно утверждать, что жанр антиутопии исконно направлен против жанра утопии как такового [3, с. 154].

2. Псевдокарнавальность.

Главное отличие обычного карнавала, описанного М.М. Бахтиным [2] от псевдокарнавала – в том, что в основе карнавала лежит амбивалентный смех, а в основе псевдокарнавала – абсолютный страх. В антиутопическом произведении при помощи страха создаётся особенная атмосфера, которую можно назвать «антиутопическим миром».

Но так или иначе, страх является лишь одной стороной псевдокарнавала. В этом слове он является синонимом «псевдо». В антиутопическом произведении вполне может присутствовать и настоящий карнавал, который является самым важным образом жизни и управления государством.

Между страхом обыденной жизни и карнавальными элементами, пронизывающими всю повседневность, в антиутопии создаётся философское напряжение [3, с. 154–156].

3. Элементы карнавала.

Они могут проявляться как в пространственной модели – от площади до города или страны, – так и в театрализации действия. Иногда автор ясно даёт понять, что всё происходящее – игра, только модель определённой ситуации, возможного развития событий. Иногда это делает повествователь, обращающий своё внимание на инсценировку, постановочность каких-либо сюжетных коллизий или ситуаций. Это наиболее выражено в карнавальном мотиве избрания и развенчания «шутовского короля» [3, с. 156].

4. Эксцентричность антиутопического героя.

Герой живёт по принципу «аттракциона». Карнавал сам по себе – торжество эксцентричности. Участники карнавала являются и зрителями, и актёрами, отсюда и аттракционность.

Эксцентричность антиутопического героя чаще всего проявляется в овладении каким-либо творческим даром, который власть не в состоянии контролировать [3, с. 156–157].

5. Ритуализация жизни.

Общество, воплотившее в жизнь утопию, является обществом ритуала. Там, где всё подвластно ритуалу, развитие личности невозможно, оно запрограммировано. Сюжетный конфликт возникает, когда личность отказывается участвовать в ритуале и стремится идти собственным путём. В этом случае личность является рычагом к изменению жанрового качества произведения. Она делает антиутопию антиутопией. Динамичное развитие сюжета без личности невозможно [3, с. 157].

6. Чувственность и скабрёзность – предмет особого внимания антиутопии.

Сексуальная жизнь человека в утопии регламентирована наряду со всем остальным. Как утверждает Б. Ланин: «Утопия до развращённости целомудренна. Антиутопия же развращена до целомудренности». Отказ героя принимать участие в разрешённом государством разврате является показателем его целомудренности, «приватизации» его изначально приватной интимно-чувственной сферы [3, с. 157–158].

7. Прошлое в антиутопиях отвергается.

Коллективная историческая память в антиутопии стирается. Чаще всего человек лишается права на индивидуальную память ещё до рождения. У него нет родственников как проводников между настоящим прошлым и будущим. Вещественные памятники культуры изъяты из обращения или спрятаны в специальных хранилищах [8, с. 204].

8. Антропоцентричность.

В отличие от утопии, антиутопия нацелена на личность. Её особенности, чаяния и беды отличаются антропоцентричностью. В антиутопии между личностью и средой всегда ведётся борьба. Борьба социальной среды и личности является основным антиутопическим конфликтом [3, с. 158].

9. Описание природы отходит на второй план и лишь подчёркивает обречённость происходящего.

В антиутопии очень мало элементов лирического повествования. Антиутопические пейзажи не отличаются яркостью и широтой описания. Природа либо загнана в резервации, либо отделена от нового мира, либо представляется фоном жизни низших сословий, либо используется для воспитания потребностей общества разумного потребления [8, с. 203].

10. Аллегоричность.

Сравнение антиутопии с басенными утопиями – крайне наглядно. Животные в баснях воплощают в себе те или иные качества человека, хорошие и плохие. Антиутопия использует эту функцию образов животных, дополняя ее специфической нагружкой [3, с. 158–159].

11. Сравнение утопии и антиутопии.

Генетическое родство обоих жанров предполагает их сравнение и в то же время отталкивание. Всё статичное, описательное, дидактичное в антиутопии – от утопии. Но не только от утопии. По мнению Б. Ланина: «Антиутопия смотрит в утопию с горькой насмешкой. Утопия же не смотрит в ее сторону, вообще не смотрит, ибо она видит только себя и увлечена только собой».

Очень часто антиутопическое описание может прерываться описанием утопии, что в стилевом аспекте означает перебивы повествования описанием. Едва ли не самую главную роль в описании играет интонация [3, с. 159–160].

12. Антиутопия и научная фантастика.

С научной фантастикой как жанром антиутопия принципиально расходится, но активно использует её в качестве приёма [3, с. 160].

Утопия стирает границу между фантазией и реальностью, антиутопия стремится эту границу подчеркнуть. Тем не менее, антиутопия отличается от фантастики тем, что, даже рассматривая достижения научно-технического прогресса, она направлена на анализ нравственной проблематики [5, с. 233–251].

13. Антиутопия заимствует у научной фантастики бесчисленные трансформации временных структур.

Это может означать, что не только действие произведения может происходить в другом времени, но и герой может иметь возможность пространственно-временного перемещения и активно этой возможностью пользоваться. Автор может намеренно пытаться «поторопить» время, поскольку для антиутопии оно течёт слишком медленно [3, с. 160–161].

14. Статичность времени.

В антиутопии время течёт по своим собственным правилам. Период развития событий обычно можно узнать из контекста. Условное настоящее и время действия – самоценны, часто не объясняются прошлым, прогнозируют для читателя и автора лишь социальное, а не хронологическое будущее. Антиутопия не ставит себе цель исследовать мир в истории. Она исследует историю, стоящую на месте. Остановившаяся история является художественным образом, созданного в результате предполагаемого развития цивилизационного прогресса, мира [8, с. 206].

Иногда статичность времени как в утопическом, так и в антиутопическом произведении может достигаться за счёт тотальной регламентации жизни [6, с. 241].

15. Пространство антиутопии всегда ограничено.

В первую очередь речь идёт об интимном пространстве героя. Этим пространством может являться квартира, комната, то есть его жилище. Но в обществе воплощённой утопии у личности нет права на такое пространство и оно становится иллюзорным [3, с. 161].

Антиутопические проекты чаще всего реализуются в замкнутом пространстве. Проникнуть внутрь или выйти из такого места весьма затруднительно [9, с. 81].

16. Страх – внутренняя атмосфера антиутопии.

Право на устрашение – типичная вещь, появляющаяся у огромного количества людей при тоталитарных режимах. Страх проникает в самые отдалённые уголки человеческого разума, сгущается в человеческих мыслях и поведении. Затем он проявляется в различных формах производственной активности: каком-либо творческом порыве, необузданной агрессии, либо сексуальной распушенности [3, с. 162–163].

ЛИТЕРАТУРА

1. Баталов, Э.Я. В мире утопии : Пять диалогов об утопии, утопич. сознании и утопич. экспериментах. [Электронный ресурс] / Э.Я. Баталов. – М. : Политиздат, 1989. – 319 с. – Режим доступа: <http://www.marsexh.ru/utopia/batalov-v-mire-utopij.html>. – Дата доступа: 10.01.2018.
2. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса [Электронный ресурс] / М.М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1965. – 527 с. – Режим доступа: http://www.bimbad.ru/docs/bakhtin_fablai.pdf. – Дата доступа: 25.01.2018.
3. Ланин, Б.А. Анатомия литературной антиутопии [Электронный ресурс] / Б.А. Ланин // *Общественные науки и современность*. – 1993. – № 5. – С. 154–163. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/120/386/1217/017_LANIN.pdf. – Дата доступа: 16.09.2017.
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий [Электронный ресурс] / Рос. акад. наук ; Ин-т науч. информ. по обществ. Наукам ; гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. – М. : Интелвак, 2001. – Режим доступа: http://biblio.imli.ru/images/abook/teoriya/Literaturnaya_entsiklopediya_terminov_i_ponyatij_2001.pdf. – Дата доступа: 12.09.2017.
5. Морсон, Г. Границы жанра. Антиутопия как пародийный жанр [Электронный ресурс] / Г. Морсон // *Утопия и утопическое мышление*. – М. : Прогресс, 1991. – Режим доступа: <http://chalikova.ru/gmorson-graniczyi-zhanra.html>. – Дата доступа: 11.12.2017.
6. Павлова, О.А. Литературная утопия в контексте социальной коммуникации: опыт феноменологии «механизма» ремифологизации сознания [Электронный ресурс] / О.А. Павлова // *Пушкинские чтения*. – 2012. – С. 239–246. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturnaya-utopiya-v-kontekste-sotsialnoy-kommunikatsii-opyt-fenomenologii-mehanizma-remifologizatsii-soznaniya>. – Дата доступа: 01.02.2018.
7. Тараненко, И.В. Лексическое представление социокультурного пространства в жанре антиутопии [Электронный ресурс] : автореф. дис ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И.В. Тараненко ; СПб., 2001. – 26 с. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com/content/leksicheskoe-predstavlenie-sotsiokulturnogo-prostranstva-v-zhanre-antiutopii>. – Дата доступа: 09.12.2017.
8. Шишкина, С.Г. Литературная антиутопия: к вопросу о границах жанра [Электронный ресурс] / С.Г. Шишкина // *Вестн. гуманитар. фак. ИГХТУ*. – 2008. – Вып. 2. – С. 199–208. – Режим доступа: <https://www.isuct.ru/e-publ/vgf/sites/ru.e-publ.vgf/files/2007/vgf-2007-02-199.pdf>. – Дата доступа: 14.11.2017.
9. Шадурский, М.И. Литературная утопия от Мора до Хаксли : Проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Обретение острова [Электронный ресурс] / М.И. Шадурский. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 165 с. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/shadurs/index.php. – Дата доступа: 06.01.2018.
10. Юрьева, Л.М. Русская антиутопия в контексте мировой литературы : моногр. / Л.М. Юрьева ; Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М. : ИМЛИ РАН, 2005. – 319 с.
11. Newman, Bobby. Discriminating Utopian from Dystopian Literature: Why is Walden Two Considered a Dystopia? [Электронный ресурс] / Bobby Newman // *The Behavior Analyst*. – 1993. – Vol. 16, Is. 2. – С. 167–175. – Режим доступа: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2733639/pdf/behavan00026-0037.pdf>. – Дата доступа: 11.10.2017.